

теристики категории модальности в корякском языке. Так, например, к модальным словам, передающим различные оттенки вероятности, автор относит не только слова, выражающие сомнение, неуверенность в совершении действия, но и слова со значением желательности или запрета производить действие (стр. 286); к модальным словам, выражающим мнение говорящего об отношении содержания высказывания к действительности, в монографии причисляются слова со значением отрицания и отрицания-запрета наряду со словами, характеризующими степень достоверности содержания высказывания с точки зрения говорящего (стр. 287); среди средств, выражающих модальные значения, в «Грамматике» называются междометия (стр. 289).

Таким образом, объем и содержание категории модальности в корякском языке, типы модальных значений и их роль в модальной характеристике предложения, способы их выражения, соотношение синтетических и аналитических способов их выражения, соотношение категорий модальности и наклонения требуют дальнейших исследований, и их анализ, данный в «Грамматике», нуждается в существенных уточнениях.

Следуя традиции чукотско-корякского языкознания, А. Н. Жукова выделяет два типа склонения в корякском языке. При этом первое и второе склонения имеют одни и те же падежные суффиксы (стр. 95), и различие между ними сводится к тому, что во втором склонении нет творительного и комитативных падежей, а во всех остальных косвенных падежах между основной и падежным суффиксом вставляется суффиксированный артикль *-на/-на* в ед. числе, *-йык(a)* во мн. числе, выражающий значение определенности. В связи с этим возникает вопрос, насколько правомерно выделять два типа склонения, если различие между ними не связано с различием падежных суффиксов, обслуживающих одни и те же падежи, как это имеет место во флективных языках типа русского.

Основываясь на том, что форма выражения значений абсолютного падежа, ед. числа и 3-го лица у имени имеет синкретический характер (тем самым уподобляясь грамматическим формам флективных языков), А. Н. Жукова полагает, что «это обстоятельство косвенно свидетельствует... о некоторой однородности грамматической категории падежа, числа, лица в корякском языке» (стр. 96). Очевидно, однако, что сам по себе факт синкретичности формального выражения различных грамматических категорий не дает оснований говорить об однородности этих грамматических категорий тем более, что в корякском языке каждая из этих категорий получает особое выражение в косвенных падежах, в дв. и мн. числах, в 1 и 2-м лицах.

Подробную и интересную разработку получила в «Грамматике» категория грамматического числа. Следует, однако, отметить, что автором выделены не все типы множественности, получающие формальное выражение в корякском языке. Так, судя по приведенным примерам, в корякском языке в пределах грамматической категории числа существует тип репрезентативной множественности, о котором ничего не говорится в монографии. Ср.: *Анянтэ пэлэтыгы'э аяк* «Бабушка (с внучкой) остались дома» (стр. 129) — здесь слово *аня* «бабушка» имеет форму дв. числа, хотя речь идет не о двух бабушках, а о бабушке с внучкой, т. е. в форме дв. числа выступает имя, обозначающее один из неоднородных членов множества, и этот член множества репрезентирует все множество, следовательно, оно как бы характеризуется по наличию в нем указанного члена множества.

Высказанные нами критические замечания не затрагивают основ «Грамматики». В целом рецензируемая монография вносит серьезный вклад в описание фонетического и грамматического строя корякского языка и дает немало материалов, которые должны быть учтены при разработке теоретических проблем грамматики.

В. З. Панфилов

A. Zaręba. Atlas językowy Śląska. — Kraków, Państwowe wydawnictwo naukowe, I — 1969; II, cz. 1 и 2 — 1970; III, cz. 1 и 2 — 1972.

Повышенный интерес к лингвистической географии характерен в последние десятилетия для славистики в целом: завершается работа по сбору материалов для Общеславянского атласа, подготовлены к изданию или уже изданы фундаментальные национальные атласы Бело-

руссии, Украины, Польши, Словакии, Лужицы, Болгарии. Весьма продуктивным оказалось это направление в фониетике, где оно имеет давнюю традицию, восходящую к предвоенным работам З. Штибера. М. Малецкого и К. Нича, Ю. Тарнацкого. В послевоенные годы

подготовлен и издан 13-томный «Малый атлас польских говоров»¹, охватывающий всю территорию Польши, создан целый ряд региональных атласов и лингвогеографических исследований иного жанра (в частности, монографий, снабженных большим числом карт)².

Рецензируемый атлас является одним из серии региональных польских атласов и посвящен диалектной зоне, пользовавшейся особым вниманием исследователей со времени зарождения польской диалектологии (Л. Малиновский и К. Нич) до наших дней. Обилие конкретных материалов по силезским диалектам³, безусловно, оказалось хорошим подспорьем при работе над атласом Силезии. Вместе с тем, эти материалы не могли послужить непосредственной основой для картографирования по многим причинам: они были неоднородны как в методическом, так и в хронологическом отношении, они, естественно, не удовлетворяли необходимому для атласа условию систематичности и, наконец, они отражали почти исключительно факты фонетики и морфологии и совсем или почти совсем не содержали сведений по лексике и словообразованию. Все это определило чрезвычайную актуальность предприятия А. Зарембой сплошного лингвогеографического обследования силезских диалектов в их современном состоянии, тем более, что длительное господство немецкого языка, а в послевоенные годы закономерное интенсивное воздействие польского литературного языка заметно ослабили позиции местного диалектного элемента в Силезии.

Первый том «Языкового атласа Силезии» содержит исчерпывающие сведения обо всех этапах работы от составления вопросника до картографирования; в нем излагаются методические принципы и основные цели атласа, дается обоснование принятых границ и сетки обследованных населенных пунктов с подробной характеристикой каждого пункта, а также полный текст вопросника и четыре карты (изучаемая территория на физико-административной карте, сетка пунктов, историко-политическая карта Силезии, карта пунктов, обследованных в других атласах, и пунктов, подвергшихся предварительному обследованию при подготовке программы). В целом материал I тома свидетельствует о всесторонне про-

думанной и обстоятельно разработанной программе исследования и составления атласа.

Территория, покрываемая атласом, уже была в той или иной степени и в той или иной своей части предметом лингвогеографического изучения. На юго-востоке она пересекается с зоной «Атласа польского Подкарпатья» М. Малецкого и К. Нича⁴, на юго-западе — с областью ляхских говоров, обследованных К. Дейной⁵, на северо-востоке — с территорией, изученной З. Штибером⁶, на юго-востоке почти смыкается с зоной Келецкого атласа К. Дейны⁷, через один пункт на территории ГДР она связывается с зоной лужицкого атласа⁸. И наконец, эта зона входит в границы «Малого атласа польских говоров».

Всего было обследовано 58 пунктов, из них 50 — на территории Польши (48 польских и 2 ляхских), 7 в Чехословакии (4 польских, 2 ляхских и 1 польский со словацким влиянием) и 1 в ГДР (восточнонижнелужицкий мужаковский). Густота принятой сетки пунктов (большая на юге и меньшая к северу) соответствует различной степени диалектной дробности силезской территории.

Заслуживает особого внимания опыт составления вопросника для Силезского атласа. Хорошо известно, что содержание и достоинство атласа в первую очередь определяются качеством программы. Не раз говорилось о том, что составление программы не может быть начальным этапом, предваряющим сбор материала, а должно быть ступенью, завершающей определенный цикл полевых исследований. Тем не менее на практике это обычно не соблюдается, и недостатки программы искупаются на стадии картографирования за счет редукции значительного числа собранных материалов, не поддающихся картографированию.

При составлении вопросника для Силезского атласа были строго соблюдены все необходимые стадии: сначала на основании всестороннего анализа имеющейся литературы А. Зарембой был составлен первый вариант, который был опробован в полевых условиях. Восемь контрольных пунктов, репрезентующих

⁴ M. Małeck i, K. N i t s h, Atlas językowy polskiego Podkarpacia, Kraków, 1934.

⁵ K. D e j n a, Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski, I—II, Łódź, 1951—1953.

⁶ Z. S t i e b e r, Izoglosy gwarów na obszarze dawnych wojewódstw Łęczyckiego i Sieradzkiego, Kraków, 1933.

⁷ K. D e j n a, Atlas gwarowy województwa Kieleckiego, I—VI, Łódź, 1962—1968.

⁸ «Sorbisches Sprachatlas (Serbski řečny atlas)», 1—3, Bautzen (Budyšin), 1965—1970.

¹ «Mały atlas gwar polskich», I—XIII, Warszawa — Wrocław — Kraków, 1957—1970.

² Подробнее см.: С. М. Толстая, Современное состояние польской диалектологии (краткий библиографический обзор), «Советское славяноведение», 1973, 5.

³ Библиографию см.: S. B a k, Zróżnicowanie narzecza śląskiego, «Prace i materiały etnograficzne», XXIII, 1963, стр. 483—517.

основные группы силезских диалектов, были выбраны с учетом степени изученности отдельных диалектов, так что они не пересекались с районами, уже обследованными другими авторами, но в то же время равномерно заполняли лакуны на диалектологической карте Силезии. Полевая работа в этих пунктах преследовала две цели: во-первых, собрать возможно более богатый материал по лексике этих говоров с тем, чтобы дополнить лексическую часть программы, для которой явно не хватало опубликованных материалов, и, во-вторых, проверить пригодность составленного варианта вопросника.

Обширный материал, собранный по предварительной программе, дополненный материалом, почерпнутым из печатных источников, был подвергнут тщательному анализу с точки зрения его «картографируемости». Было составлено более 2000 пробных карт, отражающих прежде всего ареалы отдельных лексем и в меньшей степени — локализацию значений и словообразовательных типов. В результате был составлен окончательный вариант вопросника, отличающийся от предварительного главным образом в лексической части. Значительное число вопросов было исключено из программы, поскольку они не выявили ареальных различий, и, наоборот, было учтено много новых проблем, интересных в географическом отношении.

Окончательный вариант вопросника, опубликованный в первом томе, содержит 1991 вопрос, из которых 1743 касаются лексики, 87 — фонетики и 161 — морфологии, словообразования и синтаксиса. Вопросник в лексической части имеет тематическую структуру (телега, сани, упряжь, плуг, пахота, зерновые культуры, сев, жатва, молотба, лес, жилой дом и т. д.). Вопросы, относящиеся к одним и тем же понятиям (реалиям), вопросы, касающиеся одних и тех же лексем или относящиеся одновременно к разным разделам программы, снабжены взаимными отсылками, что облегчает работу с вопросником в полевых условиях и повышает надежность полученных ответов. Большая часть лексических вопросов построена по принципу «от значения к слову»; другие, наоборот, предполагают выяснение значений названного в вопросе термина; третьи — предлагают территориально противопоставленные словообразовательные или иные варианты термина с целью уточнения их границ. Вопросы остальных разделов носят обобщенный характер и посвящены определенным, характерным для силезских диалектов фонетическим, морфологическим, словообразовательным явлениям, причем в этой части предполагается использование ответов на лексические вопросы и обоюдный контроль.

Подготовительные работы над атласом

занимали четыре года (1957—1964), сбор материалов по программе продолжался пять следующих лет (1961—1966). Помимо автора атласа проф. А. Зарембы, обследовавшего 20 так называемых главных пунктов, в сборе материалов принимали участие еще 15 квалифицированных диалектологов, пять из которых обследовали свои родные села и еще пять — села, соседние с их родными, или же пункты, в которых они прежде вели специальные диалектологические наблюдения. Все это обеспечило достоверность и высокое качество полученных на программу ответов.

В первом томе содержатся подробные и весьма поучительные сведения о технике и организации работы над собранными полевыми материалами. Достаточно сказать, что фактической базой атласа служат три обширных коллекции материалов: 1) общая картотека, насчитывающая около 150 000 карточек и содержащая упорядоченные в соответствии с программой ответы на все вопросы в каждом из 58 пунктов, 2) копии ответов на вопросы программы в каждом пункте с пометами и пояснениями эксплоратора, позволяющие получить представление о говоре данного пункта в целом, характерных для него фонетических, грамматических и иных чертах (более 300 тетрадей по 50 страниц каждая), и, наконец, 3) коллекция черновых карт с надписанными на них ответами по каждому вопросу и подвопросу программы (всего около 2500 карт). Помимо них, составитель атласа располагает упоминавшейся уже картотекой опубликованных материалов (более 50 000 карточек), картотекой синонимов и понятийной картотеккой, каждая из которых насчитывает по несколько тысяч карточек. Очевидно, что сбор, оформление, систематизация и проверка всех этих обширных материалов потребовали многолетнего напряженного труда автора атласа и его помощников. Кроме первого, вступительного тома, к настоящему времени издано еще два тома, включающие каждый по 250 карт и особую книгу комментариев и указателей к картам. Предполагается, что все издание будет состоять из 7 томов и содержать приблизительно 1500 карт.

Представленные в атласе карты в своей тематической последовательности в принципе соответствуют структуре вопросника, хотя нередко одна карта обобщает материал нескольких вопросов одной или даже разных тематических групп.

В лексической части атласа содержатся карты трех типов: 1) лексемные, показывающие набор и взаимное размещение лексем, соответствующих одному десигнату, 2) семантические, определяющие распространение разных значений одной лексемы, и 3) ареальные, дающие локализацию определенной лексемы в указанном значении. Однако в действительности

содержание лексических карт значительно шире, ибо они приводят почти исчерпывающие сведения о словообразовательном и фонетическом варьировании картографируемых лексем. Легенды лексических карт включают иногда более двух десятков названий (ср., например, карта 22 «Podrózka tylniej kłonicy» или карта 208 «Kłusownik»). Столь большая содержательная нагрузка карты требует продуманной системы формальных средств для ее адекватного и в то же время наглядного выражения с учетом, конечно, технических возможностей издания.

Основным графическим приемом в Силезском атласе служат знаки (геометрические фигуры с черно-белым фоном и внутренним членением), в качестве дополнительного, необязательного приема используются изоглоссные линии. В целом знаки применяются систематически, т. е. за ними закреплена определенная для каждого типа карт функция. Наиболее последовательно употребляются геометрические фигуры в лексических картах: одной фигурой на каждой карте обозначаются лексемы одного корня, хотя есть и случаи отступления от этого принципа, ср. карту 364, где для вариантов одного корня (например, *ryofa* и *plou-tfa*) используются разные фигуры (соответственно круг и треугольник), и карту 36, где, наоборот, кругом обозначены и *chorkadńic(e)*, и *dobgażiżk(i)*. Менее последовательно используются дополнительные средства (фон, частичное затемнение фигуры, внутренние линии), которыми передаются различные словообразовательные и фонетические признаки. Так, различие фона (белая и черная фигура) обычно соответствует словообразовательным различиям (например, карта 135: *duma*ка — *duma*ч, карта 34: *sp^uodńica* — *spodńorka*), но в ряде случаев оно же передает грамматические различия в роде или числе (карта 143: *k'e*ц — *k*ца, карта 27: *jaśla* — *jaśle*), различия в звуковом составе морфем (карта 28: *šebel* — *zbel*, карта 480: *skra* — *iskra*, карта 463: *ščećina* — *škućina*, карта 470: *čośo*ц — *čośe*ц) или даже стилистические различия (карта 94: *dura*). Внутренние линии вообще не имеют постоянного значения; так, наличие — отсутствие вертикальной линии внутри белого кружка может соответствовать различиям как в вокализме (карта 194: *las* — *les*, карта 308: *bednaś* — *bednoś*), так и в консонантизме (карта 296: *blaza* — *blaya*, карта 90: *ku*b'ín — *ku*biń, карта 79: *żyto* — *zyto*), тем же способом передается наличие — отсутствие протетического элемента (карта 17: *dobartel* — *obartel*), морфонологические различия (карта 103: *k'ô'ńićyna* — *kôńićyna*) и даже словообразовательные (карта 170: *ku*ž'ô'ntko — *ku*žitko, карта 246: *fsyp* — *syp*). Нет единообразия и в использовании

одних и тех же линий внутри разных фигур.

Представленный в атласе материал демонстрирует чрезвычайное многообразие фонетических вариаций одних и тех же лексем (морфем) на исследуемой территории. Поэтому практически невыполнимым было бы требование однозначного употребления значков при передаче фонетических различий. Однако, как кажется, некоторые, наиболее регулярные фонетические различия, характерные для силезских диалектов, такие как наличие — отсутствие мазурения, различная рефлексация **f*, различия по лабиализации, напряженности и назальности у гласных, характер заднеязычных фрикативных, рефлексы твердого *l* и т. п. могли бы получить последовательное и однозначное отражение на картах без ущерба для их наглядности.

Другим техническим неудобством, помимо неоднозначности средств выражения, является отсутствие иерархии в их употреблении. Если на карте представлены лексемы разных корней и каждому гнезду соответствует своя фигура, то в легендах эти разные фигуры с их модификациями приводятся в произвольной последовательности: круг, квадрат, треугольник или: треугольник, квадрат, круг и т. п. Если же на карте фигурируют лексемы одного корня, то он обозначается любой фигурой. Между тем, логичней было бы при отсутствии различия по корням использовать во всех случаях один и тот же знак, скажем, круг, а остальные вводить по мере увеличения числа корней: при двух корнях — круг и квадрат, при трех — круг, квадрат и треугольник и т. д. Тот же принцип мог бы упорядочивать применение фона и частичного затемнения фигуры.

500 карт, составляющих второй и третий том, показывают большую неоднородность силезской диалектной зоны в лексическом и словообразовательном отношении. Далеко не во всех случаях картографируемые явления образуют четко очерченные ареалы; если же такие ареалы обозначаются, то их границы могут членить силезскую территорию в самых различных направлениях. Тем не менее даже имеющиеся материалы позволяют обнаружить несколько наиболее устойчивых направлений изоглосс. К ним относится прежде всего пучок изоглосс, проходящих в направлении с северо-запада на юго-восток (не менее четырех десятков карт, в том числе карты 105, 128, 145, 172, 245, 368, 384, 391 и др.), затем линия, идущая с запада на восток приблизительно на уровне Racibórz — Rybnik или несколько севернее (карты 4, 14, 93, 316, 321, 360, 393, 416, 418 и др.). Достаточно ярко выражена линия изоглосс, делящая всю территорию пополам и проходящая с запада на восток (карты 39, 40, 135, 201, 253, 348, 349,

383 и др.). В ряде случаев четко выделяется центральная зона, противопоставленная северной и южной, зоны вдоль границы с Чехословакией и некот. др. Очевидно, что полное представление о диалектном членении Силезии может быть получено лишь после всестороннего анализа всех материалов атласа.

Комментарии к картам, образующие вторую часть каждого тома, содержат дополнения, уточнения и объяснения к картам, отсылки к картам, тематически близким, указание на номера соответствующих вопросов программы, а также необходимые этнографические, географические и методические разъяснения. Помимо комментариев, вторая часть каждого тома имеет индекс слов, представленных на картах, с указанием номера соответствующей карты.

Диалектный атлас Силезии проф. А. За-

рембы уже сейчас привлеч внимание специалистов по славянской диалектологии и лингвистической географии богатством, новизной и высоким качеством своих материалов, продуманными приемами их представления, важностью поставленных в нем задач⁹. Атлас в его полном виде, несомненно, явится достойным пополнением коллекции региональных диалектных атласов Польши и обогатит славянскую лингвистическую географию ценным опытом, накопленным автором на всех этапах этого крупного начинания — от составления программы до публикации.

С. М. Толстая

⁹ См. рец. Е. Павловского в «Język polski», LI, 1971, 3, стр. 219—223 и LIII, 1973, 2—3, стр. 231—233.

A. Bartoszewicz. История суффиксальной отсубстантивной деривации существительных в русском литературном языке
(*nomina concreta* от *nomina concreta*).—

Poznań, 1972. 226 стр. (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Wydział filologiczny, Seria Filologia Rosyjska, nr. 2).

Основными достоинствами рецензируемой книги являются богатство языкового материала, обстоятельность его описания, четкость и ясность изложения, наличие обширной литературы вопроса. Объект исследования — суффиксальное словообразование конкретных существительных на базе конкретных имен существительных в русском литературном языке в историческом плане. Исследование ограничивается четырьмя словообразовательными факторами: характером производных слов, характером производящей базы, типом словообразовательных средств и способом словообразования. Это сделало работу компактной и конкретной.

В отборе материала, который удовлетворял бы формуле «*nomina concreta* от *nomina concreta*», имеются определенные трудности, особенно в отношении образований на *-ник* (типа *лесник*, *садовник*, *станочник* и т. п.), поскольку отсубстантивность таких образований не является самоочевидной и общепризнанной: некоторые исследователи видят в них отадъективные образования (т. е. не *лес* — *лесник*, а *лесной* — *лесник*, не *станок* — *станочник*, а *станочный* — *станочник* и т. п.¹; даже слова типа *рыбак*, *сибиряк* и т. п. нередко описываются как образованные от прилагательных с пропуском адъективного суффикса: *рыбный* — *рыб(н)ак*, *сибирский* — *сибир(ск)як* и т. п.).

¹ См., например: «Грамматика русского языка», I, М., 1952, стр. 217—218.

Свою точку зрения на этот вопрос автор книги с достаточной ясностью, хотя и кратко, изложил в гл. II (см. там же интересные замечания относительно образования слов типа *верблюжатник* от *верблюды*, а не от *верблюжата*). Можно, однако, отметить, что противоположная точка зрения при этом по существу не обсуждалась; не названы даже ее сторонники.

Материал исследования извлечен из словарей русского языка — исторических, диалектных и словарей современного русского литературного языка, а также из картотек этих словарей. Историческая перспектива представлена в книге разнообразно. Различаются два основных периода истории русского языка — от древности до XVII в. и от XVIII в. до современности (донациональный и национальный периоды)². При необходимости и возможности выделяются более дробные периоды — группы веков, отдельные века и даже части столетий, например, XI—XIV вв., XVIII в., начало XIX в. и т. п. По этим координатам рассматриваются отдельные образования в целом (например, образования с суф-

² Ср.: Н. А. Мещерский, К периодизации истории русского литературного языка, «Программа и тезисы докладов к VIII научно-методической конференции Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов», Л., 1966.